

Кеды были замечательно удобные, погода и настроение в полной гармонии, в рюкзаке ждала своей последней участи курочка-гриль.

Мальчик не ныл.

Оставив машину внизу, мы с сыном отправились штурмовать местный эверест – Лысую гору, небольшой холм вроде сопки у подножия Яшельтау. Гора была скорее облысевшая, чем лысая – на её вершине имелась небольшая дубовая рощица.

Цель нашего восхождения была благородной. Я намеривался открыть своему отпрыску красоты окружающего мира, дабы воспитать эстетические чувства, развить кругозор, в одночасье сделать из него патриота, краеведа, натуралиста, натурфилософа, а при случае и археолога, палеонтолога, энтомолога. А то, как мне казалось, он слишком продвинулся в освоении компьютерных трескучих игр, а как поют в дубраве иволга или синички, сынок не имел представления; впрочем, я тоже.

Чем выше забирались мы по каменистому склону, тем больше становилось небо, и тем меньше наш автомобиль; вскоре он и вовсе превратился в сине-зелёную блестящую букашку.

С вершины холма открылась долина светлосиней реки Белой, бескрайние степи левого берега, сизые пятна и ленты стариц. Город, затянутый индустриальной дымкой, еле просматривался. Бодро погугивая тепловозом, по краю горизонта резво бежала зелёная гусеница – поезд.

Высокие тонкие перистые облака медленно перемещались, простор был неоглядным.

– Видишь, какая красота кругом? – пытался включить я в сыне задуманную программу.

– Ух, ты! – Согласился он и уселся на ископаемый камень типа песчаника.

– А вон дельтапланы! Почему они чёрные?

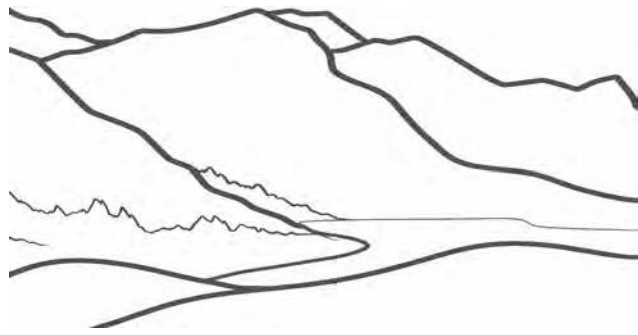
Программа начала давать сбои. Сынок мог бы развить первоначальное «ух, ты» в восхищение просторами, небом, распахнутым горизонтом, стрижами и ласточками, стремительно режущими воздух. Отпечатком мезозойской раковины в песчанике. Или погнаться за эндемической стрекозой величиной с воробья. А тут – какие-то дельтапланы. Экая, право дело невидаль.

Я осмотрел зенит.

Дельтапланы были какие-то маленькие и, в самом деле, чёрные.

Крылатая их пара медленными державными кругами парила над нашими головами почти под самым солнцем.

– Сынок, это орлы или беркуты, а не дельтапланы. Это птицы. Большие, очень редкие, у них размах крыльев – три метра, – соврал я, – когти длиннее твоих сандалий, клюв величиной с твою руку, – увлекался я, поражаясь своей эрудиции. – Они питаются мышками и кротами, а иногда и зайцами, как спикируют с высоты, цап страшными когтями зайца и сразу заглатывают,

– врать оказалось интересно.

– А иногда... – напряг, перенапряг я фантазию...

– Целиком, что ли, заглатывают? – настороженно посмотрел на меня сын и поджал под камень ноги. – Пойдём домой.

– Не бойся, маленький, с человеком им не справиться, – сказал я чистую правду. – Беркуты птицы благородные, они никогда не нападают на человека.

– Да? Ну, давай тогда мне мою курицу.

Мы улеглись на густой ковальный покров и долго следили за полётом беркутов. Вдруг один замер и, перевернувшись вниз головой, стремительно, словно пикирующий бомбардировщик, понёсся к земле.

– Ну вот! – воскликнул сын. – А ты говорил, что не нападают.

Беркут на несколько секунд исчез за кустами, и тут же, тяжело махая крыльями, поднялся в небо. В лапах у него был, так я думаю, крот.

Обе птицы упланировали в сторону дубовой рощи.

– Детей полетели кормить, – со знанием дела сказал я.

– Тогда всё равно давай мне мою курицу.

Мы погрели цыплёнка на небольшом костерке. Сын отдавал мне кости, на которых оставалось немного мяса. Ну, ничего, зато хлеб почти весь мой. Насытившись, мы блаженно лежали на тёплой древней земле. Древние кузнечики с красными брюшками и зелёными сабельками, с треском пролетали мимо нас.

– А эти кого едят? – нахмурившись, спросил сын.

– Тлю всякую, мух, мотыльков, – безжалостно оболгал я саранчу. Хотя откуда я знаю, что это летала саранча.

Вскоре пара чёрных птиц снова появилась над вершиной нашего холма.

Сын встал на четвереньки и пополз в траву.

– А? – спросил я с удивлением.

– Ягоды, – лаконично ответил он.

Земляники тут, на солнечной стороне было в самом деле много. Преодолевая блаженную лень, я с усилием набрал горсть, но съел без усилия.

